

Проф. С. И. Солнцев. «Земельная рента в крестьянском хозяйстве». Изд. Государственного Института опытной агрономии — Ленинград. 1929 г., стр. 243. Ц. 3 руб.

Имя автора рецензируемой книги достаточно известно широкому кругу экономистов. Проф. Солнцев известен своими теоретическими работами по политической экономии. На сей раз проф. Солнцев избрал темой своей исследовательской работы конкретную разработку и исследование категории ренты в крестьянских хозяйствах советской экономикки. В этом отношении книга эта представляет несомненный интерес в том отношении, что дает возможность, с одной стороны, проследить, как увязывает автор исследователь свои теоретические абстрактные рассуждения с конкретной действительностью, и с другой стороны, проверить истинную ценность и сущность его понимания марксовской политической экономии.

Ставя себе задачей «статистический учет земельной ренты вообще в крестьянских хозяйствах» (19), автор явно чувствует, что без того, чтобы не осветить, хотя бы кратко, свое понимание категории ренты, не изложить теоретическое понимание этой сложной и труднейшей проблемы политической экономии, все его статистические построения и исчисления повиснут в воздухе.

Как же справился автор с этой частью своей работы? Явно неудовлетворительно. Проф. Солнцев, со всей очевидностью, категорию ренты не понимает, содержания ее не усвоил и дал такую трактовку, которая никак не может быть квалифицирована как марксистский анализ категории и тех производственных и социальных отношений, которые за ней скрываются. Автор в войну не справился с этой задачей, ибо доказать наличие земельной ренты ему приходится не «вообще», а в конкретных условиях советского хозяйства. А это требует особого умения оперировать марксистско-ленинским методом. Истинная природа советской экономики, все ее новое экономическое и социальное содержание остались непонятными и неосознанными... «Как правильно, — пишет он, — жизнь в переходном периоде идет в старых формах, и понятия явления и категории переходного периода

можно, не игнорируя старых форм капиталистического уклада, а на основе этих старых форм, на основе старых отношений» (разр. наша. А.) (25). Или дальше: «Главное в анализе земельной ренты при советских условиях, на наш взгляд, сводится к определенному и четкому установлению того положения, что земельная рента неразрывно связана с явлениями рынка и меновой ценностью прежде всего, а уже на втором плане — с особенностями земледелия и землевладения» (25—26). Можно было бы привести еще достаточное количество цитат, из которых с несомненностью видно, что автор не понял и не воспринял всей глубины классового переворота, пришедшего вместе с Октябрьской революцией. Цепляясь за внешние формы (рынок, цена и т. п.), скользя по поверхности, автор не потрудился даже установить самое «бьющее в глаз» этих категорий в двух разных социальных формациях — капиталистической и советской. Для проф. Солнцева никакой принципиальной разницы между капиталистической и советской экономикой не существует... Там, где есть рынок с феицистической стихией, где есть цена с капитальными, специфическими законами своего образования, присуще капиталистическому рынку, где хлеб и другие продукты земледельческого производства выбрасываются на рынок, проходят через капиталистический аппарат ценообразования, сохраняя при этом специфические особенности старого порядка, — там не может не быть земельной ренты, понимаемой в капиталистическом смысле» (26). Нет нужды вскрывать всю эту антимарксистскую, насквозь схоластическую установку на содержание советской экономики. В многочисленных работах доподлинных марксистов-исследователей с достаточной ясностью и глубиной вскрыто все отличительное многообразие нашей экономики. Октябрьская революция, установление диктатуры пролетариата означают одновременно устранение форм и содержания капиталистической эксплуатации. Национализация и переход в руки пролетариата промышленности, национализа-

ности земли, уничтожение частной собственности на нее, уничтожение классов капиталистов и значительное удешевление кулацкой верхушки деревни,—все это вместе взятое наложило свой социальный и производственный отпечаток на характер советской экономики. Через план, через систему планирования хозяйствующий субъект-пролетариат приводит в движение отдельные элементы советского хозяйства, увязывает их в систему и тем самым руководит распределением производительных сил, а поскольку это распределение производительных сил происходит в противоречивых условиях классовой борьбы и ожесточенного сопротивления остатков капиталистических элементов, в основном определяет и расстановку классовых сил в стране. Не рынок и, уж во всяком случае, не стихия, не «капиталистический аппарат ценообразования» решают и определяют пропорции народного хозяйственного развития,—а план, плановые установки и перспективы. Только буржуазный последователь может отождествить капиталистическое и советское хозяйства, не подмечать в них различий и присущих каждому специфичностей. Такому «аналитику» Октябрьская революция и еще социально производственное преобразование, последовавшее за ней, являются чуждыми, непонятными и несвязанными.

Не зная природы советского хозяйства, отождествляя последнее с капиталистическим способом производства, проф. Солнцев, конечно, не мог справиться и с пониманием ренты.

Рента в его представлении—категория не социального порядка и не отражает определенного типа производственных отношений. Категория эта, по Солнцеву, не историческая. Маркс неоднократно подчеркивал (т. III ч. 2, стр. 319, 341, 366), что рента неразрывно связана с капиталистической формой эксплуатации. Рента в марксовом понимании выражает и базируется на основе законов, введенных им в политической экономии—стоимости и прибавочной стоимости (т. III, ч. 2, стр. 172, 174, 300). Так что мало еще того, что существует рынок, цена, надо еще доказать, что в основе их лежит стоимость, что распределение и присвоение продукта труда происходит на основе распределения прибавочной стоимости. Собственно, Солнцев это и «доказывает», когда заявляет, что «мы будем исходить в дальнейшем, как из данной предпосылки, из того положения, что анализ цен, дохода, издержек производства, земельной ренты, прибыли в крестьянском хозяйстве как в деревни дореволюционного, капиталистического периода, так и для деревни переходного периода, по крайней мере в его первых фазах, один и тот же, и что этот анализ покоится на общих законах капиталистического рынка» (32). Нет уж лучше дальше разбирать эту явно буржу-

азную теоретическую страну, да и сам Солнцев, чувствуя слабость своих теоретических доказательств, вынужден в конце концов признать, что «находила ли себя земельная рента в крестьянских хозяйствах советского периода и в действительности,—это вопрос, требующий специального «индуктивного» исследования» (разр. наша А.).

Индуктивно же (т. е. статистически) проф. Солнцев определяет ренту путем выведения средней нормы прибыли в промышленности и чистого дохода в отдельных группах крестьянства и, сопоставляя одно с другим, определяет как величину, так и самый размер ренты. То, что понимает проф. Солнцев под средней нормой прибыли, далеко от истинного марксистского ее определения. Как он ее получает? То, что дано в опубликованных материалах Г. В. Щуб, это вовсе не норма прибыли, а доли прибыли и прочих элементов (налоги, сборы и пр.), идущих за счет *m* (прибавочной стоимости). В цене у Маркса мы имеем точное определение нормы прибыли... «их продажные цены равны элементам издержек их производства (стоимости потребленного постоянного и переменного капитала) плюс прибыль, определяемая общей нормой прибыли, исчисляемая на весь авансированный капитал, потребленный и не потребленный» (т. III, ч. 2, стр. 180. Разр. наша А.). Определяя ренту, как «сверх-средней нормы прибыли» (застаи говоря, соль не в том, что рента есть сверхприбыль, а в том, что она есть особый вид прибавочной стоимости, выражающей определенное классовое взаимоотношение—частная земельная собственность), Солнцев принимает повышенный процент этой нормы прибыли, ибо он относит элемент накопленный в цене не ко всему капиталу промышленности, а к издержкам производства. Что же касается чистого дохода в крестьянских хозяйствах, то здесь, наоборот, он его сильно уменьшил. В основу исчисления чистого дохода проф. Солнцев положил данные крестьянских бюджетов, собираемые и обрабатываемые органами ЦСУ. Общеизвестно, что бюджетный материал страдает целым рядом дефектов, и для пользования им обычно необходимо сделать солидную работу, но то, что сделал с ним проф. Солнцев, требует всестороннего осуждения. Для того, чтобы получить чистый доход, необходимо было к издержкам производства (фигурирующим в бюджетах в виде затрат) причислить и оценить труд в крестьянском хозяйстве и стоимость тяговой силы. Автор поступил правильно, когда оценил затраченный труд в крестьянском хозяйстве по рыночной цене, но существующей заработной плате наемных рабочих. Но мы считаем, что это сделано им небрежно и несправедливо. За основу рыночной оценки труда проф. Солнцев принял подешевую

заработную плату. Мы считаем, что подешевая заработная плата является невысшей оплатой труда в сельском хозяйстве. Здесь сказываются в значительной мере сезонные влияния, критические моменты в потребности рабочей силы. Крестьянство же занято в течение круглого года, и для оценки его труда правильнее брать заработную плату рабочих, занятых более продолжительное время. Такой платой мы считаем сенокосную. Расхождения по отдельным губерниям довольно существенные, так например, по данным ЦСУ СССР (данные эти для 1925/26—26/27 гг. приводим в целях сравнения), мы имеем по Воронежской губ. сенокосную 90 коп., поденную 1 р. 18 коп.; по Орловской губ. соответственно—74 к. и 89 коп.; по Украине (Полесье)—79 к. и 1 р. 40 коп.; по Вологодской губ.—65 к. и 1 р. 39 к. Таким образом, издержки на труд, при правильном методологическом подходе к этому вопросу, оказались преувеличенными, а следовательно, за этот счет несколько преуменьшен чистый доход¹.

В отношении же тяговой силы, то, что проделал профессор, обнаружил его полное незнание как с методологией, так и с содержанием тех источников, которыми он оперирует. Проф. Солнцев, почему-то считает, что в бюджетах не фигурируют затраты на тяговую силу в виде кормов. Это не соответствует действительности. В бюджетах учитывались и учитываются не только затраты на корма, но и прочие расходы. Взять хотя бы на выдержку бюджет Орловской губ., которым оперирует автор: на стр. 123 мы находим затраты на корм (гр.гр 408—421), на стр. 124 затраты на прочие расходы (пастух, кузнец, на быка) гр.гр. 471—474). Таким образом при помощи весьма несложных арифметических манипуляций наш автор дважды подсчитал издержки на тяговую силу и тем самым сильно преуменьшил чистый доход. Но допустим на минуту, что действительно затраты на тяговую силу целиком не учтены в бюджетах. Как поступил автор? Беря рыночную стоимость для тяги с работником, он, вычитая стоимость работника, находит цену для тяговой силы. Далее, так как корм в бюджетах учтен, то надо, во избежание двойного счета, вычесть и стоимость кормов. Стоимость же кормов на один «ското-день» получается делением всех затрат на корма, на количество рабочего скота, а затем—на 365, число дней в году. Такой способ калькуляции никуда не годится. Когда исчисляешь стоимость единицы продукта, исключать затраты необходимо на время действительной работы, пошедшей на его изготовление, а не на все время года.

Рабочий скот участвовал только, по той же хотя бы Орловской губ., всего 62,2 дня, и стоимость кормов надо определять, исходя из этой цифры работы лошадей, и тогда получается, что стоимость кормов по этой губернии не 21 коп. в день, как подсчитал профессор, а 1 р. 24 коп., а на все прочие расходы падает только 29 коп. Ведь проф. Солнцеву, как только он получил стоимость корма в 21 коп., что составляет в общих затратах на тяговую силу 13,7%, должно было быть ясно, что это явная несуразица. Такой структуры затрат мы пока что не знаем,—обычно считается, что доля кормов—это основной и решающий элемент затрат на тягу и составляет она, примерно, 70—80% от всех издержек. Это новое откровение проф. Солнцева в области экономики сельского хозяйства, его организации и производственной структуры, целиком проистекает от полного незнания природы крестьянских хозяйств, его экономики и тех материалов (бюджетов), которые учитывают и наблюдают состояние и движки в крестьянских хозяйствах.

В результате этих грубейших теоретических, методологических и статистических ошибок, которые в конечном счете привели к сильному снижению чистого дохода в отдельных группах крестьянства к непониманию категории ренты и ее исчисления, автор делает целый ряд экономических и политических выводов. Основным лейт-мотивом этих выводов является дефицитность большинства крестьянских хозяйств (233), (т. е. «деградация», недоучет элементов эксплуатации, смазывание классового строения советской деревни (235).

На примере этой книги можно воочию убедиться, как теория правого уклона сростается с явно буржуазными воззрениями на природу советского хозяйства и на процессы, происходящие в сельском хозяйстве. Работа эта демонстрирует, какими экономическими материалами и построениями доказывается эта пресловутая «деградация» сельского хозяйства, этот упор в трудовое направление кулацких хозяйств.

Книга эта—теоретически и статистически безграмотная, а политически вредная, льющая воду на мельницу тех элементов, которые находятся в явно враждебном отношении к мероприятиям советской власти и партии.

Немало еще подобных «теоретиков» сидят в наших учебно-исследовательских учреждениях, подобно тому институту, который издал эту книгу. Немало их еще и в наших советских учреждениях, которые прикладывая свой штамп к подобного рода продукции.

Решительная борьба с буржуазными и мелко-буржуазными теоретиками и практиками должна стать, как актуальнейшая задача, в порядок дня.

¹ Метод оценки труда в крестьянском хозяйстве, предлагаемый т. Авербух, редакция считает спорным.

Г. Сафаров. «Сельско-хозяйственная экономика и социалистическая реконструкция». Государственное Издательство, Москва, 1929 г. Стр. 180, цена 1 р. 25 к.

В час переходный период от капитализма к социализму, в период коренной и решительной ломки старых устоев и создания новой экономики, научное обоснование совершающихся процессов ставит перед теорией ряд актуальнейших задач. Можно определенно сказать, что еще никогда не было такой потребности в теории, какая ощущается в настоящий период. Сейчас мы имеем прямой заказ со стороны пролетариата на теорию. Ленин, а вслед за ним и т. Сталин уже неоднократно подчеркивали всю значимость теории. «Известно, что теория, если она является действительной теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность в перспективе, уверенность в работе, веру в победу нашего дела» (Сталин, «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 1). Но тут же т. Сталин прямо ставит вопрос, что нам нужна не всякая теория, а «действительная теория», т. е. теория борющегося революционного пролетариата. И это подчеркивание вполне закономерно. Сельско-хозяйственная экономика больше, чем какая-либо наука, до самого последнего времени была поприщем подвизания всякого рода буржуазных и мелко-буржуазных экономистов. В сельско-хоз. экономике мы больше чем где-либо имеем всякого рода «справых» и «левых» записок. Поэтому от автора-марксиста при изложении вопросов сельско-хоз. экономики и реконструкции сельского хозяйства требуется самая решительная, жесточайшая критика не только всякого рода буржуазных и мелкобуржуазных теорий в аграрном вопросе, но не менее строгая критика всякого рода «подпевал» «справа» и «слева». Тысячу раз прав Сталин, что «без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами» (Сталин, там же, стр. 1).

Что дает с этой точки зрения рецензируемая книга?

Книга т. Сафарова называется «Сельско-хозяйственная экономика и социалистическая реконструкция», между тем из десяти глав книги вопросам социалистической реконструкции уделены всего-навсего две главы, и то не полностью. Прежде всего автор останавливается на понятии сельско-хоз. экономики. Превращение сельско-хозяйственного продукта в товар не нарушает закона стоимости, и это обстоятельство совершенно определенно указывает на недопустимость обособления самостоятельного предмета сельско-хозяйственной экономики из общего учения политической экономии. Только как составная и подчиненная часть общего учения политической экономии, как определенная ступень конкретизации его, может существовать сельско-хозяйственная экономика» (стр. 17).

Сафаров критикует, и правильно критикует проф. Ляценок, шгавшегося обособить сельско-хоз. экономику от общего учения политической экономии, ссылаясь на особую роль торгового капитала в земледелии.

Автор правильно критикует Фридриха Эребо, утверждающего, что «наука о сельском хозяйстве есть частная специальная наука» и строящего свою теорию на той основе, что «сельское хозяйство навсегда останется такой частью народного хозяйства, которая не поддается влиянию ни широкого разделения труда, ни скопления больших масс труда» (цит. по Сафарову, стр. 19).

Автор дает краткую критическую оценку буржуазных и мелкобуржуазных экономистов-теоретиков типа Тюнена, Макарова, Чайнова, значительно засоривших теорию сельско-хоз. экономики. Наконец, он белло останавливается на установках правых и троцкистов в аграрном вопросе.

Значительную часть своей книги автор посвящает рассмотрению отдельных элементов сельско-хоз. экономики в капиталистических условиях. Он подробно разбирает положение Ленина о выделении рынка в сложном земледельческом хозяйстве основных денежных, ведущих отраслей. При этом остальные отрасли не уничтожаются, не исчезают, а подчиняются главной денежной отрасли. «Рынок служит основой общественного разделения труда при капитализме» (стр. 1). «В каждом районе при помощи рынка в полеводстве и животноводстве выделяется одна какая-либо главная денежная, ведущая отрасль, к которой приспосабливаются все остальные отрасли. Этот тезис и ряд вытекающих из него положений иллюстрируются в книге богатым материалом САСШ.

Верными являются замечания автора об излитии сезонности сельского хозяйства. «В особенности отчетливо различия между временем производства и рабочим временем выступает в сельском хозяйстве» (Маркс, Капитал, т. II, стр. 213). Вопрос более равномерного распределения труда в течение года в сельско-хоз. производстве, играющем громадную роль в настоящий период, поставлен уже в повестку дня.

Разнообразие отраслей (их комбинация в различных районах при наличии специализации), разнообразие полевых культур (за счет усиления доли трав и пропашных культур)—колхозная промышленность—дает возможность распределить труд и поступление дохода в течение года более или менее равномерно.

Автор правильно отмечает, что индустриализация сельского хозяйства, достигшая в последние годы гигантских размеров, ведет к стиранию граней между промышленностью и земледелием. Но было бы боль-

шой ошибкой утверждать, что тем самым капитализм уничтожает разницу между городом и деревней. Наоборот, по мере развития капитализма, разницы между городом и деревней растет; капитализм не в состоянии уничтожить этой разницы. Только пролетариат, реконструируя сельское хозяйство, коренным образом ломая существующую его основу, подтягивает его к городу, а затем стирает всякие грани.

По вопросу об экономике переходного периода т. Сафаров удачно изучает несколько общезвестных положений. В революционный период классовая борьба обостряется. Борьба классов за реализацию товарной продукции все больше и больше перерастает в борьбу за самую организацию производства, при чем классовая борьба происходит на новой основе. «Расчленению производителя и средств производства при капитализме пролетариат противопоставляет постепенное и планомерное соединение этих двух факторов на кооперативной основе» (стр. 7). Строительство колхозов и совхозов уже достаточно убедительно опровергнуло всякие разговорчики о неадекватности кулака и др.

Вместе с тем у автора имеется ряд неверных толкований.

Наверно, будто «разделение труда между социалистическими формами и мелким товарным производством более или менее совпадает с разделением труда между промышленностью и сельским хозяйством» (стр. 1). Если раньше «более или менее» совпадало, то теперь совершенно не совпадает. Очень мудро, легко выходясь, не видеть в настоящее время социалистических форм хозяйства в деревне. Широкий размах колхозного и совхозного движения лишний раз еще противопоставление всякого основания.

Автор в критике установок троцкистской оппозиции в аграрном вопросе (в том числе и своих «собственных 1925—27 года») ограничивается только кратким замечанием, что он переоценил «торгашескую» сторону кооперации и недооценил кооперацию как проводника организационного влияния социалистической промышленности. Сказано довольно скромно, а не грех бы сказать побольше. Вот как характеризует XV съезд партии тогдашнюю установку троцкистской оппозиции: «Характерной чертой оппозиции является ее неверие в возможность вовлечения основной массы в русло социалистического строительства через кооперацию. Это есть отказ от ленинского кооперативного плана и, стало быть, прямой отказ оппозиции от ленинизма». (Резолюция и постановления XV съезда ВКП(б) (стр. 96).

Здесь кое-что не больше переоценил «торгашеской» стороны кооперации. Троцкисты призывали при диктатуре пролетариата капиталистический путь развития нашей деревни (вымысливание середняка),

они не верили в возможность вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию, они не понимали и отрицали кооперативный план Ленина. Отсюда их лозунг о сверхмаксимальной перекачке крестьянских средств в город. Отсюда противопоставление ленинского кооперативного плана плану электрификации. Оппозиция не понимала, что кооперативный план Ленина и план электрификации являются неразрывными частями общего плана Ленина о строительстве социализма в нашей стране (см. резолюции XV съезда партии). Гораздо лучше было бы, если бы автор вместо беглых, лично своих «покачаний» дал бы всестороннюю критику троцкистских установок по аграрному вопросу, в частности, по кооперации и в особенности по колхозному движению.

Он этого не сделал.

Автор останавливается на том, что в колхозном движении есть своя разновидность правого уклона. «Ее отличительной чертой автор считает забвение границы между мелкой собственностью и социализмом» (стр. 169). Сказано довольно туманно. Прежде всего спрашивается: о какой разновидности правого уклона в колхозном движении идет речь?

В качестве иллюстрации этого самого уклона автор приводит контрреволюционную программу багашевских агрономов в вопросах коллективизации и встречающиеся пометки со стороны кулацких элементов завуалированной колхозной формой, чтобы получить лучшие земли и вообще поживиться за счет государства. Но можно ли это считать разновидностью правого уклона в колхозном движении? Конечно, нет. Когда мы говорили о правом или «левом» уклоне в том или другом вопросе, мы говорим о проведении коммунистами, там работающими, линии, отличной от генеральной линии партии. Когда же мы имеем противопоставление решения партии, советской власти в вопросах коллективизации—своей антипартийной и антисоветской программой, это уже не правый уклон, а контрреволюция.

Когда же контрреволюционные взгляды пытаются выдать за правый уклон, тем самым отвлекают внимание партии от действительно правых извращений в колхозном движении, которые более завуалированы и не поддаются такому сравнительно легкому разоблачению, как открытая контрреволюция.

Революционизирующее воздействие индустрии и в особенности сельской индустрии на сельское хозяйство—неоспоримо. Крупная промышленность представляет из себя основу перехода к социализму» (Ленин). Правильно замечает автор, что «перелом в колхозном движении, переводный его на новые рельсы, создат трактор, вышедший из недр промышленного подема» (стр. 165). Во всей книге значение сельско-хоз. индустрии выдвигается на первый

план и в этом ее положительная сторона. Но в этом выдвигании, само по себе очень правильном, социальные моменты как-то отодвигаются на второй план. А им принадлежит далеко не последнее место—этого забывать не следует. Сделав упор только на машину, автор невольно приближается к критикуемому им Чапнову, у которого пока не было тракторов—все было хорошо (с его точки зрения), появились тракторы и комбайны—сразу создалось преимущество крупного хозяйства, низвергнуто народничество, победил марксизм.

Роль машины исключительная—это несомненно, но не в этом только причина быстрой коллективизации. Тов. Сталин на съезде аграрников-марксистов наметил целый ряд причин быстрой коллективизации у нас. Практика уже показала, что простое обобществление крестьянского инвентаря, имеющихся уже средств производства, дает громадный эффект. «Грубейшим недомыслием и косностью является взгляд о том, что организация колхозов на машинно-кон., а тем более не смешанной

конно-тракторной базе не является достаточно эффективной». («Правда» от 6 янв. 1930 г.). «Простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики». (Сталин). Ориентировать сейчас внимание только на трактор, только на комбайн—политически вредно, это попросту бы затормозило, задержало колхозное движение.

Можно было число неверных положений и формулировок продолжать, но уже сказанного достаточно. Марксистская теоретическая литература по сел.-хоз. экономике нужна нам дозареза. Нужна «действительная» теория, нужна теоретическая работа, которая разгромила бы в пух и прах буржуазных и мелкобуржуазных экономистов, дала жесточайшую критику правых и левых установок. Приходится пожалеть, что с этой задачей Сафаров не вполне справился.

В. Баранов.

«Статистика и народное хозяйство» (сборник статей и материалов—вып. 5—9 за 1929 г.). Изд. ЦСУ РСФСР.

Продолжавшееся в 1929 г. периодическое издание рецензируемых сборников дало читателю-статистику массу самого разнообразного материала. Всего за год вышло из печати пять выпусков, причем последние три (7, 8 и 9) выходили ежемесячно, а первые два (5 и 6) в течение первого полугодия. Меняются и разделы сборника: в пятом выпуске еще имеется самостоятельный раздел—«Вопросы рационализации статистических работ», в шестом он заменяется специальным приложением под аналогичным названием, а в последующих выпусках исчезает вовсе; в пятом и шестом в седьмом выпусках имеется табличное приложение (ряд случайных в конце кодов, таблиц, посвященных, верно, весьма существенным проблемам, но не объединенных ни единой мыслью, ни единым планом)—они исчезают, начиная с восьмого выпуска; наконец, в девятом выпуске раздел «На местах» объединяется с прежде самостоятельным разделом «Из жизни ЦСУ», а на его месте появляется новый раздел—«Хроника». Таково неустановившееся и меняющееся лицо этих сборников. Но не более установившимся является и их содержание. Лишь два круга вопросов находят отражение во всех без исключения выпусках: во-первых, руководящие статьи и, во-вторых, вопросы сельского хозяйства. Все остальные вопросы представлены случайными статьями, освещающими отдельные и подчас не наиболее существенные проблемы.

Несмотря на такой разношерстный состав материалов, даваемых сборниками, им все же нельзя отказать в наличии опре-

деленно проводимых тенденций. От выпуска к выпуску красной нитью проходит постановка наиболее острых и актуальных проблем современной советской статистики. Они находят отражение в ряде статей: тов. С. Середы «Основные задачи госуд. статистики в 1929 г.» (вып. 5-й), «О задачах госстатистики в пятилетнем плане развития народного хозяйства» (вып. 6-й), «Об организации социалистической статистики» (вып. 9-й); тов. Н. Кострова—«Перспективный план сельского хозяйства и задачи сел.-хоз. статистики»; М. Михайлова—«Организация статистических наблюдений по общественому сектору сельского хозяйства» (вып. 8-й); И. Писарева—«На пути к социалистическому учету» (вып. 7-й); Я. Каца—«К вопросу о задачах и методах статистического учета социалистического соревнования» (вып. 7-й).

С. Середя намечает в своих статьях следующие основные задачи современного этапа деятельности советской статистики: необходимость увязки статистической работы с пятилетним планом народного хозяйства, о построении статистического плана работ, о проблеме кадров и т. д. Автор остро ставит вопрос о таком построении статистической работы, которое могло бы обеспечить своевременную информацию правительства и плановых органов о состоянии народного хозяйства и о происходящих в нем динамических процессах. Отсюда—вопрос об усилении конъюнктурной статистики, о расширении объема ее работ и о включении в круг ее охвата существеннейших хозяйственных кампаний (ве-

прос относительно роли мест в овладении статистическим материалом. Места должны стать «хозяйевами статистического материала»—таков выдвигаемый С. Середой лозунг. В конечном счете все эти вопросы этими статьями только ставятся.

В статьях Н. Кострова и Н. Михайлова часть намеченных С. Середой проблем получают дальнейшее оформление. Оба автора выдвигают актуальнейшую проблему о постановке учета обобществленного сектора сельского хозяйства. Можно сомневаться в целесообразности намечаемого, в частности, Н. Михайловым выделения самостоятельной ветви сел.-хоз. статистики обобществленного сектора, но предлагаемая им программа и система организации учета безусловно зрелы, они исходят из правильной оценки подготовленности объекта обследования к учету и в связи с этим модифицируют и самую программу последнего: полную отчетность от совхозов и крупных колхозов, статкоровский учет слабых и молодых колхозов и, в качестве базы дальнейших исследований, организацию переписи первичных сел.-хоз. кооперативных объединений.

Значительно менее удачной является попытка И. Писарева и Я. Каца построить схему учета социалистического соревнования (вышеназванные статьи в 7-м вып.). Пока речь идет о необходимости постановки учета объема и форм движения, положения авторов не вызывают никаких сомнений, но как только авторы пытаются сконструировать систему учета результатов движения,—реальных достижений,—они неизбежно отходят от точных формулировок и превращают учет социалистического соревнования либо во всеобъемлющий учет всех элементов производства, либо только прокламируют задачу, не вливая в нее никакого конкретного содержания.

Непосредственно к этой серии статей примыкают статьи по вопросам конъюнктуры: Е. Волкова—«Место госстатистики в системе конъюнктурных наблюдений и сводный план конъюнктурной статистики», С. Шура—«Качественные показатели низовых процессов», и проф. С. А. Первушин—«К вопросу о методах изучения районной конъюнктуры» (все статьи в 9-м вып.). Первые два автора в своих построениях исходят из одной и той же (хотя и разн. обоснованной) предпосылки недостаточности статистического метода познания для характеристики качественных народно-хозяйственных процессов. Исходя из этой предпосылки, оба они выдвигают необходимость построения системы качественных показателей конъюнктуры, причем С. Шур делает даже попытку конкретизации этой системы. Е. Волков помимо этого обосновывает комплексный метод конъюнктурного исследования, необходимость районного разреза конъюнктурных показателей и, наконец, необходимость

привлечения в качестве базы конъюнктурного исследования установок перспективного плана. К сожалению авторами обходится те организационные проблемы, которые возникают в связи с таким расширением задач конъюнктурной статистики. Проф. С. А. Первушин в своей содержательной статье развивает схему построения районной конъюнктуры.

Если к перечисленным статьям прибавить хорошо составленные разделы сборников «Из жизни ЦСУ» и «На местах», в которых, с одной стороны, освещается процесс конкретизации текущих задач советской статистики, а, с другой,—как воспримут их места, и как бьются они подчас над их выполнением, то всем этим завершается та часть сборника, которая придает ему своеобразную свежесть и делает его своего рода боевым журналом советской статистики.

Наибольшая по объему часть сборников посвящена статьям по вопросам сельского хозяйства РСФСР. Попытаемся разобраться во всем этом громадном материале. Возьмем сначала группу статей, трактующих по преимуществу вопросы методологического характера. Несмотря на то, что глубина этих статей заставляет желать многого, все они рассматривают проблемы первостепенной практической важности.

В пятом выпуске опубликована статья А. Кустарного—«Пол-балла», в которой он оспаривает правильность применяемой ЦСУ поправки к местным показаниям подесятничных сборов, и ответ на нее А. Брянского—«К вопросу об определении урожайности и о качестве данных бюджетных обследований». Как убедительно показывает в своем ответе А. Брянский, упреки А. Кустарного в оглульном применении ЦСУ поправок весьма примитивны, его предложение варьировать размеры поправок в зависимости от периода наблюдения и от способов учета хотя и подкреплены рядом иллюстраций, но не могут считаться достаточно обоснованными. В одном только А. Кустарный безусловно прав: положение, когда исчисление баланса сел.-хоз. производства на местах и в центре всегда дает различные результаты,—больше нетерпимо. Однако, выход из этой коллизии, как он намечается практикой, будет, по видимому, найден по иному пути, чем тот, который указывает А. Кустарный.

Последняя небольшая статья этой серии—«Как оценивать рабочий день тяговой силы в бюджетных записях» (вып. 8), принадлежащая перу Г. Анкина, правильно ставит вопрос о дефектах принятого ЦСУ метода оценки (всегда по себестоимости содержания лошади). Но то решение вопроса, которое дает автор, вряд ли может считаться удовлетворительным, ибо он впадает в противоположную ЦСУ крайность, предлагая ввести самостоятельный производственный счет рабочего скота, как производительной отрасли крестьянского хо-

зяйства. Между тем, правильное разрешение проблемы лежит в дифференцированном подходе, в зависимости от той роли, которую рабочий скот играет в крестьянском хозяйстве.

Гораздо более широко представлены статьи, полностью или частично отображающие результаты отдельных научных исследований, и обзоры, освещающие подчас наиболее существенные вопросы современных процессов в сельском хозяйстве.

Из последней группы статей надлежит отметить две статьи Ф. Сальникова, подытоживающие результаты двух кампаний по контракции—весенней и осенней—1928 г. (выпуски 5 и 8), две статьи С. Шура, из которых одна подводит итоги кампании по хлебозаготовкам за первые пять месяцев 1928—29 г. (вып. 5), а другая посвящается итогам весенней посевкампании 1929 г. (вып. 6) и много других.

Нельзя сказать, что все эти статьи одинаковы по качеству, или что все они достаточно полно и равносильно освещают свою тему. Статьи Ф. Сальникова, например, производят впечатление не более, чем добросовестных отчетов, дающих хорошее количественное изображение кампаний, но несколько не отображающих тех качественных процессов, которые они обуславливают в крестьянском хозяйстве. Статьи С. Шура (как о хлебозаготовках, так и о посевкампании) наоборот, рассматривают описываемые ими явления в их взаимодействии со всею совокупностью процессов, происходящих в сельском хозяйстве. Особо должны быть отмечены также хорошо сделанные обзоры двух специальных отраслей сельского хозяйства: Ф. Сальникова—«Промышленное огородничество в РСФСР» (вып. 9-й) и И. Халдеева—«Баланс продуктов птицеводства РСФСР в 1925—26 и 1926—27 гг.» (вып. 8-й). Что выгодно отличает обе статьи—это всесторонний охват вопроса, завершающийся балансовой увязкой производства и потребления. В меру наличия материала, освещающего эти мало исследованные области сельского хозяйства, оба автора прекрасно справились со своей задачей.

Однако, наряду с обзорами подобного рода, в сборниках имеются также статьи, как В. Перфильева—«Состояние посевов и урожай в РСФСР в 1928 г.» (вып. 5-й) и А. Овчинникова—«Состояние посевов в РСФСР в 1929 г.» (вып. 8-й), успешность которых здесь весьма сомнительна. Не то, чтобы они сами по себе были низкого качества, но их специфически конъюнктурный характер, при нерегулярном выходе сборника, делает их публикацию лишеной всякого резона. Наоборот, крайне желательных обзоров о состоянии и динамике полеводства в сборниках нет совсем.

Большим количеством статей представлены исследования, и некоторые из них заслуживали бы по существу специального

отзыва. К их числу безусловно следует отнести работу Г. Чубакова—«Эволюция русск. урожайности в 1883—1915 гг.» (вып. 6). Затрагивая актуальнейшую и в современных условиях тему, автор дает ей самостоятельную трактовку и интересное освещение. Сам автор следующим образом формулирует задачу исследования: «изучить эволюцию урожайности на фоне эволюции сельского хозяйства, связать ход урожайности с ходом земледельческой техники и условий сел.-хоз. конъюнктуры». Автор строит кривые урожайности (по работе 2-го порядка) и анализирует их в связи с системами сельского хозяйства, принятыми в разных районах. Понятно, конечно, что применение этого метода не дает возможности выделить «чистое» воздействие на урожайность изменений сел.-хоз. техники, но он все же оказывается достаточно плодотворным, чтобы наметить основные тенденции в изучаемом явлении. Автор устанавливает, что при качественном улучшении системы наблюдается кривая повышающихся темпов роста урожайности, при изживании системы—затухающая волна кривой, могущая перейти и (переходящая подчас) в кризис. Интересна также трактовка связи урожайности с общими конъюнктурными условиями, которые автор дает в схеме соотношения ренты и заработной платы. Заслуживает внимания, наконец, констатируемая автором на примере трех губерний различная динамика урожайности отдельных культур и выдвигаемая им в связи с этим мысль о значении «ведущей» культуры, в качестве базы для роста всего хозяйства.

Тот же вопрос, но в ином—статистическом, а не динамическом—разрезе трактует статья А. Тарасова—«Севообороты и влияние их на урожай» (вып. 7). Анализируя по бюджетным материалам влияние севооборота на урожайность, он прекрасно иллюстрирует преимущество многопольной системы, которая в отношении зерновых хлебов даже в наших условиях дает такое повышение урожайности, с лихвой компенсирующее относительное сокращение посевной площади. Вторая часть статьи, связанная с первой лишь механически, дает на основании специального исследования географию севооборотов и как бы подчеркивает те колоссальные возможности, которые сулит Советскому Союзу переход на многополье.

Интересна хорошо сделанная работа Н. Кострова—«К вопросу о себестоимости молока» (вып. 7). Автор не делает практических выводов из приводимых им районных данных о себестоимости молочной продукции. Но факт абсолютной убыточности молочного хозяйства в громадном большинстве районов говорит за себя сам, снова сигнализируя глубокий внутренний кризис, который издавна переживает индивидуальное крестьянское и середняцкое хозяйство.

Статья Н. Михайлова—«Некоторые черты современного колхозного движения» (вып. 6) посвящена исследованию значения колхозов для бедняцких хозяйств. Он констатирует ведущую роль государственных вложений в деле формирования колхозов и освоения ими средств производства.

Менее удачными представляются нам обе статьи Л. Платова—«Наемная рабочая сила со скотом и инвентарем» (вып. 7) и «Об изучении товарности крестьянского сеянского хозяйства» (вып. 8). Хотя они и трактуют различные темы, но, повидимому, являются результатом одной и той же работы. Автору не удается сочетание статистико-математического и экономического анализа материала, и тщательная и точная статистическая работа поражает скудостью и неопределенностью выводов.

Статьи, освещающие другие отрасли народного хозяйства, по сравнению с относящимися к сельскому хозяйству, поражают своей скудостью. Вопросам промышленности посвящена лишь одна статья, да и та информативного характера (о переписи мелкой промышленности—вып. 8-й). Вопросам труда посвящены две статьи Я. Каца, причем одна из них определяет учет численности и состава батрачества на средину августа 1927 г. (дается в на-

чале 1929 г.), а другая называется «Об итогах перевода промышленных предприятий на 7-часовой рабочий день» (вып. 6), но представление о вопросе дает в минимуме, ибо ограничивается фактически констатацией того, что рабочее время на соответствующих предприятиях сократилось. Основная проблема темы—определение народнохозяйственного эффекта 7-часового рабочего дня—остается вне рассмотрения автора.

Лучше представлены другие вопросы. Имеются статьи, посвященные вопросам статистики местного хозяйства, кредитному делу и т. д., но значительная их часть вряд ли может быть признана особо удачной.

Остов сборников безусловно составляют статьи и материалы, посвященные вопросам сельского хозяйства. И при этом быть может ничто так не характеризует рецензируемых сборников, как то обстоятельство, что в них нет обобщающих статей по сельскому хозяйству. Можно сказать, что у сборников «Статистика и народное хозяйство» есть все данные, чтобы превратиться в полезный и необходимый журнал. Ему лишь не хватает плана.

В. Л.

«Народное хозяйство Средней Азии». Ежемесячный журнал. Издание Средне-Азиатского Экономического Совета, Ташкент, 1929 г. №№ 1—11.

Вводная статья в № 1 «Народного хозяйства Средней Азии» за истекший год озаглавлена: «Пятилетку—на общественное обсуждение». В соответствии с этой установкой и составлен первый номер журнала, который знакомит широкие круги советской общности с пятилетним планом Средней Азии и дает материал для обсуждения этого плана. В этом номере журнала помещены доклад протекции Средне-Азиатского Госплана: «Перспективы индустриализации Средней Азии», статья «Пятилетний план развития сельского хозяйства» (излагающая контрольные цифры пятилетнего плана, принятые Средгоспланом осенью 1928 г.), статьи о балансах Средней Азии—хлебофуражном, сырьевом и мясном, а также тезисы секций и комиссий Госплана СССР о пятилетнем плане Средней Азии.

Редакция считала, что на основе этого материала пятилетний план развития будет обсужден в местных партийных, общественных и научных организациях, и «не мало ценных указаний, соображений и расчетов по вопросу о перспективе развития... края возникнет в результате такой общественной проработки».

К сожалению, организация этого общественного обсуждения редакции рецензи-

руемого журнала не вполне удалась, и обсуждение некоторых исключительно важных вопросов перспективного плана развития Средней Азии прошло в известной степени мимо журнала.

Остановимся прежде всего на хлопке. После статей в № 1 журнала мы читаем ряд статей о хлопке в следующих номерах, но все эти статьи исходят в основном из намеченных ранее темпов развития.

Как известно, многие средне-азиатские работники считали эти расчеты преуменьшенными и доказывали возможность как более быстрого повышения урожайности, так и более быстрого прироста посевных площадей. Журнал не привлек к сотрудничеству этих работников, не развернул обсуждения предложений о реальности более быстрых темпов развития хлопководства и путей их осуществления. Более того, постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1929 г., дающее ряд заданий о коренном пересмотре всех расчетов по хлопководству, до сих пор (т.-е. до № 11 включительно) не нашло в журнале достаточного отражения. Мы считаем, что редакция журнала должна была организовать обсуждение дополнительных мероприятий, которые необходимы для развития хлопководства, в соответствии с постановлением ЦК.

В №№ 8 и 9-10 этого нет. Лишь в статьях № 11-го ставится вопрос о мероприятиях по ускорению темпа развития хлопководства. Необходимо, чтобы в следующих номерах журнала вопрос об этих дополнительных мероприятиях был подвергнут детальной проработке, с привлечением к обсуждению местных работников.

При этой проработке особо внимательно должны быть рассмотрены вопросы ирригации и применения искусственных удобрений. Если вопросы ирригации находят в журнале более или менее достаточное освещение, то по применению искусственных удобрений во всех рецензируемых номерах журнала нет ни одной специальной статьи.

Большие и сложные проблемы продовольственных и кормовых культур и животноводства Средней Азии в журнале также отображаются недостаточно.

К положительным сторонам журнала следует отнести помещенные статьи и обзоры, характеризующие социальные отношения сельского хозяйства Средней Азии. В «Материалах к изучению расслоения узбекского кшлака до земельной реформы», опубликованных в № 8 журнала, рассматриваются история развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве Средней Азии и формы этих отношений¹. Характеристика современного положения дана при изложении пятилетнего плана развития сельского хозяйства (в № 1). Показательные материалы приведены в статье о распределении между различными социально-экономическими группами деканства сел.-хоз. инвентаря и об его использовании (в № 8 журнала).

Вопросы обобществленного сельского хозяйства рассматриваются в статье о хлопководческой кооперации Узбекистана и ее перспективы» (№ 2—3), «Колхозы в Туркменистане» (№ 4—5), «Машинизация хлопководства и машинно-тракторная станция» (№ 9—10) и др.

Переходя к вопросам промышленности, мы должны прежде всего отметить недостаточное внимание редакции к некоторым отраслям промышленности, имеющим для Средней Азии особое значение (электро-станции, туки и Карабузаская проблема, сахарная промышленность Киргизии).

Проблема энергетики рассматривается в статье «Внимание средне-азиатскому углю» в № 8 журнала. Автор остро критикует, повидимому, с достаточным основанием, вопрос о разведках

¹ Должны отметить, что формулировки автора не всегда точны. Неправильно, например, писать о «вытесненном со всех рынков» русском капитале в 70-х годах пр. столетия (стр. 57).

углей. Наряду с этим отмечаются трудности внедрения местного угля. Туркшелк не хочет работать на отсеве, хотя отсев по калорийности всего максимум на 200—300 кал. менее отборного угля, по цене же — в 4 раза дешевле. Более полугода идет спор — может ли работать на местном угле паровоз на ветке Кизил-Кий-Горчаково, на том самом участке, где до 1926 г., когда ветка была в едином управлении с рудником, паровозы работали на местном угле.

Вопросы географического размещения текстильной промышленности рассматриваются в статье «О выборе места для текстильного комбината в Фергане» (в № 4—5). Автор дает подробный обзор топливных и водных ресурсов. Зато экономические и политические задачи, связанные со строительством крупного текстильного комбината, автором не разрешаются. Автор отказывается разбирать вопрос о снабжении комбината местной рабочей силой, высказывая сомнения в разрешимости его («в случае, если бы можно было действительно рассчитывать на местную рабочую силу» (стр. 77) (разр. наша. А. Б.). Мы считаем, что такие обоснования, как соображения автора, что «население кшлаков (сел) сплошь тяготеет к земледелию... населения туземных частей... городов точно так же тяготеет к земледелию», не могут быть признаны достаточными. Вопрос о создании в Средней Азии пролетариата из местных основных национальностей заслуживает особо тщательного анализа².

Хлопкоочистительной промышленности посвящен интересный очерк в № 11 журнала.

Укажем еще на статью «Рыбная промышленность Туркменистана» (в № 2—3), за которой должны последовать дальнейшие статьи о состоянии рыболовства и рыбной промышленности и о путях их развития.

Далее следует отметить обзор рынка труда строительных рабочих (в том же № 2—3) и статью «Вопросы строительства» (в № 9—10). В последней статье автор высказывает опасение, что вместо снижения себестоимости строительства в сезоне 1928—29 г. будет повышение. Мы надеемся увидеть в следующих номерах журнала более подробный анализ итогов строительного сезона 1929 г. (по местным материалам) и обсуждение путей снижения стоимости строительства. Совершенно не ставится в журнале вопрос о себестоимости промышленной продукции. Единственное исключение — очерк деятельности хлопкоочистительных заводов, в котором приведены данные по себестоимости за последние годы. Между тем для

² В частности автор должен был рассмотреть вопрос о проблеме избыточной рабочей силы в «старых» городах.

характеристики значения проблемы себестоимости для средне-азиатской промышленности достаточно указать, что размотка шелка в Ашхабаде обходится в двое дороже, чем в промышленном центре¹.

Вопросы мелкой промышленности рассматриваются в рецензируемых номерах журнала в статье «К вопросу о мероприятиях для развития художественной кустарной промышленности» (в № 6—7) и в кратком очерке «Ковровое производство Туркмени» (в № 2—3). Было бы очень ценно впредь не ограничиваться ознакомлением с художественными промыслами, но помещать также очерки и заметки о других промыслах, о местном ремесле как городском, так и сельском (по приводимым в № 1 журналу данным за 1926—27 г. потребность Средней Азии в изделиях удовлетворялась на $\frac{1}{4}$ изделиями средне-азиатской мелкой промышленности), кооперировании промыслов, вытеснении частника. На особое внимание местных работников вправе претендовать кузнечно-слесарное ремесло. В упомянувшейся нами статье об использовании сельскохозяйственного инвентаря (в № 8) отсутствие в кшлаках ремонтных мастерских и кузнецов отмечается как одна из причин недостаточного использования инвентаря (в коренных хозяйствах Узбекистана, по данным гнездового обследования, не использовывалось 27% общего количества однолемешных плугов).

В связи со статьями о транспорте, рассматриваемыми отдельными вопросами железнодорожного и автожелезнодорожного транспорта (две статьи в № 2—3) и дающими ценные отчетные материалы по железным дорогам и водным путям (обзор в № 4—5), следует пожелать, чтобы впредь, наряду с подобными статьями, помещались и специальные статьи по вопросам строительства отдельных железно-дорожных линий и ветвей, создания регулярного пароходства на недостаточно до сих пор обслуживаемых участках водных путей и влияния транспортного строительства на эко-

¹ См. И. Зеленский. Об очередных задачах партийных организаций Средней Азии, Ташкент, 1929 г., стр. 15.

«Народное хозяйство Закавказья». Двухнедельный политико-экономический журнал — орган ВЭСа ЗСФСР, Тифлис, 1929 г., №№ 1—11.

«Народное хозяйство Закавказья» выводит вместо прежде издававшихся «Экономический Вестник Закавказья» и «Ноты хозяйства» и по преимственности насытивается уже шестой год издания. Хотя «Народное хозяйство Закавказья» называется двухнедельным журналом, но выходит оно обычно двойными номерами, являясь фактически месячным журналом. Весь характер журнала — большие статьи, и относительно не-

значительное место, уделяемое текущей хронике, — соответствует именно месячному изданию и диктует соответствующее переименование журнала.

В журнале имеются отделы: 1) экономика, политика, планирование и строительство хозяйства, 2) вопросы и практика рационализации, 3) экономическая хроника, 4) «На местах» и 5) библиография. Таким образом, журнал особо выделяет, помимо основных

вопросов строительства. Между тем вопрос о влиянии новых путей на хозяйственную и культурную жизнь районов требует особо тщательного рассмотрения. В статье «Перспективы индустриализации Средней Азии» намечаются весьма большие темпы прироста грузооборота по водным путям. Необходимо, чтобы редакция организовала обмен мнениями о том, чем должно быть обеспечено выполнение этих больших планов по водному транспорту, и как эти планы увязываются с планом развития железнодорожного транспорта.

Для того, чтобы организовать этот обмен мнениями, необходимо привлечь к участию в журнале работников с мест, из районов. Это же участие мест необходимо и для плодотворного обсуждения всякого из вопросов хозяйственной (и не только хозяйственной) жизни Средней Азии. Между тем на недостаточную связь с районами мы наталкиваемся при рассмотрении журналом чуть ли не всякого вопроса. Хозяйственной жизни районов в журналом уделяется совершенно недостаточное внимание. Во всех рецензируемых номерах опубликована лишь одна статья, посвященная вопросам экономики района, да и эта статья рассматривает специальный вопрос — место постройки текстильного комбината в Ферганской долине. Вопросам хозяйства Таджикской ССР посвящена специально всего одна статья. Мы считаем, что необходимо скорейшее выделение в журнале специального отдела, в котором должна отображаться жизнь районов и должен производиться обмен хозяйственным опытом, при чем особое внимание должно быть направлено на привлечение к сотрудничеству в этом отделе местных работников.

Но помимо участия в этом специальном отделе, местные работники должны быть привлечены к обсуждению всех основных проблем народного хозяйства Средней Азии.

А. Брауде.

вопросов реконструкции хозяйства, еще проблемы рационализации и экономических процессов, происходящих в закавказской деревне. Нужно отметить, однако, что четкого разграничения различных отделов в журнале не существует. Вряд ли, например, имеются основания для того, чтобы статью «Индивидуальное обложение в ЗСФСР в 1927/28 г. (№ 17-18) отнести к отделу «Вопросы и практика рационализации».

Переходя к рассмотрению содержания журнала за 1929 г., выделим в первую очередь статьи, характеризующие основные особенности социалистического строительства Закавказья. В статье Ш. Элиава «Социалистическое строительство ЗСФСР» (№ 11-12) отмечается, что «Закавказье — страна без промышленного наследия, если не считать нефтяной промышленности Баку и отчасти Чиатурской промышленности. Мы в нашей стране строим индустрию почти на чистом месте... Базой развития индустрии и сельского хозяйства является база энергетическая. Потому мы в Закавказье начали строительство специально с обеспечения нашего хозяйства новой энергетической базой, начали с электрификации». Эта четкая постановка расширяется на дальнейших страницах, где подчеркивается ряд интереснейших моментов хозяйственной жизни ЗСФСР, как, например, то, что Закавказье является районом, наименее насыщенным сел.-хоз. машинами.

Строительство новой жизни требует развития плановых органов. Между тем, этот участок в Закавказье, как, впрочем, и в ряде других окраинных республик, находится в неудовлетворительном состоянии. Передовая в № 3-4 специально посвящена проблеме организации планового дела. При этом особо подчеркивается отсутствие координированности в плановой работе различных закавказских республик и отсутствие центра у закавказских статистических органов. Очередной задачей является поэтому усиление Загосплана и создание общесоюзного Закавказского ЦСУ и Закавказского ВОНХ для укрепления хозяйственного единства ЗСФСР.

Работа Госплана ЗСФСР в финансовой области освещена в статье И. Авербаха (№ 3-4) «Вопросы финансирования народного хозяйства в пятилетнем плане ЗСФСР». Госплан ЗСФСР, подходя к составлению единого финплана, ограничился на первых порах построением пятилетнего плана государственного (конституционного) и местного бюджетов и некоторых элементов плана кредитной системы. Даже построение территориального бюджета пока не могло быть достигнуто Госпланом ЗСФСР. Характерной чертой этого финплана, изложенного в статье И. Авербаха, является то, что он построен, в значительной мере, на притоке средств общесоюзных источников. При общей бездефицитности государственного бюджета по всему Союзу колоссальная дефицитность бюджета ЗСФСР не может

считаться допустимой. Поэтому, признавая интерес работы по составлению финплана ЗСФСР, освещенной в статье И. Авербаха, приходится подчеркнуть необходимость ее пересмотра под углом зрения возможного уменьшения и ликвидации дефицита.

Для характеристики основных проблем экономики Закавказья остановимся еще на статье Буниад-Заде (№ 9-10) «Мероприятия по поднятию урожайности в ЗСФСР» и статье П. Федорова (№ 13-14) «Капитальное строительство и финансирование промышленности в ЗСФСР».

Буниад-Заде справедливо считает, что для повышения урожайности необходимо изменение методов обработки земли, и подчеркивает значение создаваемых в Закавказье опытных сельскохозяйственных учреждений. Недаром академик Вавилов писал: «Рост опытных учреждений в Европе мне достаточно известен за последние 20 лет, но ни в одной стране, при моих объездах, я не видел такого роста опытных учреждений, какой имеется в Азербайджане». П. Федоров перечисляет такие работы, как расширение разработки марганцевых месторождений, капитальные работы по Азрыбе, капитальные работы по нафталану, постройка фторидного завода в Грузии, цинканидного завода в Армении, указывая, что на этих работах базируется экспортная промышленность ЗСФСР.

Природные условия ЗСФСР благоприятны для развития индустриализации. П. Федоров правильно подчеркивает высокий удельный вес нового строительства, превышающий соответственные цифры по всему СССР.

Специфические условия Закавказской федерации, в которую входят многие разнородные по экономике районы, диктует необходимость особого внимания к местным особенностям. Очерк В. Худадова «Хевсуретия», помещенный в отделе «На местах» (в № 15-16), рисует такую своеобразную, дикую жизнь Хевсуретии, что представляет интерес не только для чисто-экономического журнала, но и для общего ознакомления со специфическими особенностями окраин Союза.

Для рецензируемого журнала показателем своеобразия «отрыв» от работы центральных органов, планирующих хозяйство. Ни перспективы пятилетнего плана, составленные Госпланом Союза в районном разрезе, ни контрольные цифры Союзного Госплана в районном разрезе не получили ни освещения, ни критики на страницах рассматриваемого журнала.

Подводя итоги, можно констатировать, что «Народное хозяйство Закавказья» принадлежит к числу серьезных журналов, освещающих вопросы строительства экономической жизни ЗСФСР. К недостаткам журнала приходится отнести не всегда внимательное отношение к согласованию хозяйственных интересов Закавказья с

развитием народного хозяйства всего СССР, текучесть материалов статейного характера, приводящую к отсутствию единого стержня в отдельных номерах журнала, и полное

отсутствие специальных статей по анализу характерных черт и изменений в экономике Закавказья.

Я. Августов.

«Среднее Поволжье». Ежемесячный планово-экономический журнал. Самара, 1929 г. №№ 1—11. Год издания второй.

Издаваемый Средне-Волжской Красной Плановой Комиссией журнал «Среднее Поволжье» посвящен вопросам планирования хозяйственного строительства, вопросам районирования и изучения производительных сил края.

Рассматривая «Среднее Поволжье» номер за номером, приходишь к выводу, что «Среднее Поволжье» принадлежит к числу тех местных журналов, которые нашли свое лицо и широко откликаются на экономическую жизнь края.

Содержание журнала разбито не на чересчур общие группы, «статьи», «обзоры», а детализировано по отдельным основным отраслям. Такое деление облегчает читателю ориентировку в журнале. Обычно в каждом номере имеются отделы: методика и практика планирования, сельское хозяйство, промышленность, торговля и кооперация, изучение производительных сил края (экономика краеведения), конъюнктурные обзоры различных отраслей, «по области» и хроника. В некоторых номерах добавляется еще одна другая статья по вопросам коммунального хозяйства. Вместе с тем, некоторые отрасли освещены весьма недостаточно. Так, почти совершенно отсутствуют статьи по вопросам транспорта, кредита; отдел библиографии также почти отсутствует. За весь год помещены лишь несколько заметок, рецензирующих местные ведомственные издания.

«Среднее Поволжье» посвятило вопросам пятилетнего плана в областном разрезе специальный номер (№ 3) и ряд статей в следующих номерах журнала. В результате пятилетние перспективы освещены с разных сторон: сельского хозяйства, промышленности, товарооборота, коммунального хозяйства, дорожного хозяйства, социально-культурного строительства, местного бюджета. Всестороннее освещение пятилетнего плана особенно важно для Средне-Волжской области, потому что «пятилетка» в области начала разрабатываться, по сравнению с другими областями, очень поздно» при отсутствии «достаточно серьезной и большой исследовательской работы» как в отношении экономики области, так и в отношении естественных богатств ее» (С. Казацкий «Основные позиции областной пятилетки»).

Что касается промышленности, то в этом отношении край вообще развит более слабо, чем РСФСР и весь Союз. Так, удельный вес края в Союзе по стоимости валовой продукции государственной ценовой промышленности (вместе с мукомольем) выражается всего в 2,2%, тогда как по

Сев. Кавказу—6,6%, по Уралу—5,4% и т. д. Правда, в течение 1928—29 г. удалось добиться некоторых успехов на промышленном фронте, в частности, прирост продукции по сравнению с 1928—29 г., составил по местной промышленности 43,2% и по союзной и республиканской—27%, но в области качественных показателей работу промышленности, планируемой краевым совхозом, нельзя признать удовлетворительной. Задания по снижению себестоимости и повышению производительности труда остались невыполненными. Одной из основных причин общего отставания промышленности Средне-Волжского края является отсутствие прочной энергетической базы. Поэтому следует обратить особое внимание на изучение энергетических ресурсов края, в частности, на рост электрической энергии. В этом отношении край очень отстал от всего Союза (35 квтч на одного человека по Союзу и 3,5 квтч по краю).

Жилищное хозяйство области также отстало от средней жилищной нормы (по всему РСФСР—5,65 кв. м, по области—5,25 кв. м. Зато строительство произведено за 1928—29 г., с превышением плана на 54%.

Сопоставляя различные номера журнала, между которыми имеются промежутки всего в полгода, убеждаешься, как далеко шагнули за эти полгода планы коллективизации сельского хозяйства Средне-Волжской области. По пятилетнему плану (№ 3 журнала) намечалось, что к 1933 г., примерно, 20% сельского населения будет объединено в коллективные хозяйства. В статье «Основные установки по контрольным цифрам Средне-Волжского края на 1929—30 год» (№ 10) уже подчеркивается, что «необходимо осуществить переход на сплошную коллективизацию трех округов—Оренбургского, Самарского и Бутурусланского и добиться максимально возможных пределов по остальным округам. Средний процент коллективизации по краю к моменту весеннего опроса должен быть не менее 50%. Этот темп перестройки основной отрасли всей экономики края не получил, однако, почти никакого освещения в журнале. Можно поставить в несомненную вину редакции такое игнорирование важного социально-экономического процесса.

Статьи по сельскому хозяйству, регулярно помещаемые из номера в номер, характеризуют, главным образом, узко-технические процессы (см. напр., «о культуре твердых пшениц на мягких землях в Поволжье» (№) и, несомненно, отстает от социально-технической реконструкции

средне-вожжской деревни. Более того, в № 11 (т. е. уже в начале 1929—30 г.) помещается статья Р. Артищева «Отношение населения к различным формам землепользования и землеустройства», которая, несомненно, запоздала с характеристикой отношения населения к коллективизации сельского хозяйства. Статья эта указывает, что лишь 23,7% хозяйств края желают вести коллективную форму землепользования. Такое расхождение между включением средне-вожжской деревни в план сплошной коллективизации в 1929—30 г. и статей, помещенной в № 11 журнала, является вредным.

Возвращаясь к характеристике контрольных цифр края на 1929—30 г., которая дана в нескольких статьях, помещенных в №№ 10 и 11, остановимся сперва на отмеченных в этих статьях «узких местах» областной экономики. Такова, прежде всего неудовлетворительность проведения осенней посевной кампании 1929 года: прирост озимого ячменя, по сравнению с предыдущим, по предварительным данным на 1 ноября оказался равным 3,6% вместо 6,8%, предполагавшихся по плану. «План зяблевой вспашки... по неполным данным, выполнен только на 75%, что объясняется крайне слабым развертыванием массовой работы среди бедняцко-средняцкого крестьянства и вообще недостаточным вниманием партийных, советских и кооперативных органов к задачам проведения осенней посевной кампании (№ 10 «Основные установки по контр. цифр. С.-В. края на 1929—30 г.»).

Для общей характеристики экономики края любопытна статья Г. Ситникова «Среднее Поволжье в системе контрольных цифр РСФСР и смежных районов» (№ 10). Самая тема ее уже достаточно любопытна. Несомненно, что для смежных районов существует ряд сложных проблем, которые желательно соизмерить на опыте нескольких районов. Такова, напр., для Среднего и Нижнего Поволжья проблема борьбы с засухой, для Среднего и Нижнего Поволжья—проблема организации животноводческих совхозов, для всех вожжских районов—проблема энергетического баланса, в связи с необходимостью изжить топливный дефицит.

Рассматриваемая статья Г. Ситникова показывает, что контрольные цифры, устанавливая прирост посевных площадей под зерновыми культурами для всего РСФСР—8,7%, для Башкирской АССР—8,0%, для Нижне-Волжского—12,5%, намечает прирост для Среднего Поволжья в 12,1%. При этом важно подчеркнуть, что ни один из районов во всем РСФСР не получает такого количества тракторов, как Средне-Волжский край. Далее, ни в одном из районов общественных хозяйств не охватывают столь большого количества посевов, как в Средне-Волжском крае. Процент общественной посевной площади во всей посевной площади района по Сред-

не-Волжскому краю достигает 20,2%, по Сев. Кавказу—19,6%, по ЦЧО—19,6%, по Нижне-Волжскому—12,8%. Вместе с тем, в отношении затрат на новое промышленное строительство Средне-Волжский край отстает от большинства смежных районов. Объясняется это отчасти тем, что естественные ресурсы области (сланцы, фосфориты, цветные металлы, нефтяные месторождения) еще недостаточно выявлены и изучены.

Аналогичная статья «Средне-Волжская область в системе районов Поволжья по пятилетнему плану» помещена тем же автором в № 5—6 рассматриваемого журнала.

Значительная часть статей, помещенных в журнале, характеризуется «ведомственным» характером. В частности, это относится к статье Н. Лабенкова «О задачах нового областного комбанка», кстати, единственной статье в рассматриваемом журнале, посвященной вопросам кредита. Дав обзор фактических данных о направлении кредитов коммунальным банком, автор не остановился на анализе относительной роли комбанка по сравнению с однородной сетью Госбанка и на связанных с этим перспективах ликвидации коммерческих операций коммунального банка.

Почти весь материал, напечатанный в «Среднем Поволжье», носит местный характер. Исключением является большая растянувшаяся на два номера (№ 1 и № 2) статья С. Вейнгартена «Основные проблемы методологии планирования». Статья эта по существу является сводным рассмотрением основных этапов развития планового дела в СССР и основных проблем, которые при этом возникали. Автор подчеркивает, что «всякий хозяйственный план должен обеспечивать: 1) на основе индустриализации оптимальное развитие производительных сил страны, 2) более быстрый темп роста социалистических элементов в народном хозяйстве, чем несоциалистических, 3) удовлетворение материальных и культурных потребностей в расширенном масштабе. Наиболее приемлемым методом в разрешении в плане этих принципиальных вопросов является балансовый метод, получивший за последнее время довольно широкое, но все еще недостаточное применение. До сих пор не имеется единого баланса народного хозяйства СССР (если не считать попытки ЦСУ). Разработка методологии баланса народного хозяйства требует к себе максимального внимания.

Не представляя ничего существенно нового, статья Вейнгартена полезна для общей ориентировки местных плановых работников в основных проблемах методологии планирования.

Интерес журнала для края поддерживается, помимо статей и обзоров, довольно широко поставленной хроникой, освещающей деятельность краевых органов в области экономики.

О. Куперман.

Jürgen und Marguerite Kuczynski. Der Fabrikarbeiter in der amerikanischen Wirtschaft. Verlag C. L. Hirschfeld, Leipzig 1930.

Юрг. и Марг. Кучинские. Фабричный рабочий в американском хозяйстве. Лейпциг, 1930 г., 268 стр.

Вышедшая недавно в Германии рецензируемая книга немецкого статистика-экономиста Юргена Кучинского, автора Antikritik der Studien zur Theorie des Marxismus. Zurück zu Marx и Маргариты Кучинской посвящена положению рабочего класса в Американской промышленности за последние 30 лет.

Юрген и Маргарита Кучинские работали в САСШ в течение ряда лет. Первый-статистиком American Federation of Labor второй—ассистентом американского экономиста Лео Волмана из National Bureau of Economic Research автора солиднейшего американского труда по вопросам зарплаты. Авторы широко использовали богатый статистический материал как указанных выше, так и других американских научных институтов, занятых проблемой труда.

От большинства европейских паломников в Мексику американского капиталистического прогресса, авторы рецензируемой книги выгодно отличаются тем, что они не находятся под гипнозом больших рекордных чисел американской промышленности и критически подходят к анализу ряда показателей хозяйственной жизни САСШ.

Мы, конечно не можем разделить всех выводов авторов в том числе уже опровергнутую жизнь о чем свидетельствует последний хозяйственный кризис САСШ теорию о перерастании в «организованном» капиталистическом государстве общего хозяйственного кризиса в кризис безработицы. С другой стороны, нужно отметить, что некоторые явления американской хозяйственной жизни, тесно связанные с рабочим вопросом, в рецензируемом труде не нашли своего отражения. Но основные проблемы, поставленные авторами, методологически правильны, и выводы их вносят ценнейший материал в интересную проблему труда в американской промышленности.

Мы не будем останавливаться на вступительной части книги, в которой авторы с весьма сомнительным успехом хотя и доказывают практическую пользу точных статистических данных в деле регулирования производства, на основе изучения нужд потребителя. Авторы явно переоценивают регулирующие факторы в хозяйственной жизни САСШ и не дооценивают стихийные силы капитализма и все возрастающую тенденцию империализма к завоеванию внешних рынков. Вместе с тем они находят возможным регулировать на основе тех же статистических данных и вопросы уровня зарплаты, забывая о том, что высоту последней определяет соотношение классовых сил.

Гораздо больший интерес представляет общая характеристика динамики развития американской промышленности XX века, основанная на точных цифровых данных.

В 1899 г. в американской промышленности работало 4.712 тыс. чел., ценностное выражение всего промышленного производства составляло 11.407 млн. дол. при капиталовложениях в 8.975 млн. дол. За период с 1899 по 1914 г.г. число промышленных рабочих возросло до 7.036 тыс. человек.

Интересно отметить, что в первые два пятилетия число занятых рабочих характеризуется показателями роста в 16 и 21%, в то время как тот же показатель для пятилетия в 1909—1914 г.г., снизился до 6,4%. Причина этого лежит в общей хозяйственной депрессии 1914 г.

Параллельно числу занятых в промышленности рабочих рос и физический объем промышленного производства. Если принять таковой в 1899 г. за 100, то соответствующие показатели для 1904, 1909 и 1914 г.г. составляют 122,2 159,2 и 169,4. Ценностное выражение всего промышленного производства росло быстрее, чем физический объем его, и достигло в 1914 г. 24.246 мил. долларов, при росте с 1899 до 1904 г.г. на 29,7%, с 1904 по 1909 г.г. на 39,7% и с 1909 по 1914 г.г. на 17,3%. Это свидетельствует о значительном росте цен на предметы промышленной продукции.

Еще разительнее был рост инвестирования в промышленность капитала. Последний достиг в 1914 г. суммы в 22.790 мил. дол. при увеличении трех довоенных пятилетий на 41,2%, 45,4% и 23,7%.

Мировая война имела огромное влияние на развитие промышленности САСШ. Военные заказы форсировали во всех важнейших отраслях промышленности как объем производства, так и рост цен. За период времени с 1914 по 1919 г.г. число промышленных рабочих возрастает до 9.096 тыс. т. е. увеличилось на 29,3%. Увеличение это является рекордным по отношению к предшествующим годам. Физический объем продукции возрос на 26,1%.

Ценностное выражение промышленной продукции возросло на 157,4% и достигло 62½ млрд. дол. Инвестируемый в промышленность капитал возрос на 95,1% и достиг 44½ млрд. дол. Таким образом, мы видим, что рост цен значительно обгоняет рост физического объема производства промышленности, что свидетельствует о нездоровой хозяйственной конъюнктуре.

О нездоровых тенденциях промышленности САСШ в военные годы свидетельствует также и то, что при увеличении капиталовложений на 95%, ценностное выражение продукции возросло на 157%. В то же время повышение физического объема продукции на 26,1% сопровождалось ростом числа промышленных ра-

бочих на 29,3%, что свидетельствует о падении производительности труда. Развитие промышленности продолжается в первые послевоенные годы, достигает своего кульминационного роста в 1920 г. и заканчивается в конце того же года колоссальным промышленным кризисом.

Число рабочих в 1921 г. падает до 6.946 тыс., т. е. на 22,8%, физический объем производства промышленности падает на 20,6%, ценностное выражение на 29,6% и составляет 45.653 млн. дол.

Период 1921—1928 г. характеризуется в САСШ словом «prosperity», которая только раз была нарушена кратковременным и сравнительно незначительным кризисом 1923/24 г. Конечно, «prosperity» нужно понимать в чисто капиталистическом смысле этого слова. Характерно для этого периода, что рост физического объема промышленности производства обгоняет ее ценностное выражение, соответственный индекс которого возрос с 1921 по 1925 г. только на 44,4%. Другой характерной особенностью этого периода является рост производительности труда, как результат капиталистической рационализации. Производительность труда возросла настолько, что за ней не может поспеть рост самой промышленности и в результате мы видим за последние годы в САСШ падение числа промышленных рабочих. Число их равнялось: в 1921 г.—6.946 тыс., 1922 г.—8.136 тыс., 1923 г.—8.778 тыс., 1924 г.—7.635 тыс., 1925 г.—8.384 тыс., 1926 г.—8.401 тыс., в 1927 г.—8.076 тыс. и в 1928 г.—7.866 тыс.

Таким образом, мы видим, что число промышленных рабочих за все последние восемь лет не достигает уровня 1919 г., а три последние года показывают медленное, но неуклонное падение числа рабочих, занятых в промышленности.

Переходя к основной тематике труда—положению рабочего класса в промышленности, авторы устанавливают, путем деления общей суммы зарплат, выплаченной во всей промышленности, на число занятых в ней рабочих, индексы зарплат. Индекс абсолютной суммы зарплат имеет тенденцию непрерывного роста и соответственно выражается в 1899 г.—100; 1914 г.—136,0; 1920 г.—326,4; 1928 г.—307,5. Если мы сопоставим абсолютные индексы роста зарплат с ростом цен предметов первой необходимости (1899 г.—100, 1914 г.—150,7, 1920 г.—311,6, 1928 г.—248,7), то, принимая индекс 1899 г. за 100, получим следующее изменение индексов реальной зарплат: 1904 г.—100,4, 1914 г.—90,3, 1924 г.—121,6, 1928 г.—123,6.

Таким образом, мы видим, что за 30 лет реальная зарплата промышленного рабочего в САСШ возросла только на 23,6%, что составляет в среднем $\frac{3}{4}\%$ в год. Нужно оговорить, что эта зарплата в 1928 г. покрывает в среднем только 56% расходов

нормально живущей семьи, состоящей из пяти человек.

Конечно, нас интересует не только динамика реальной зарплаты американского рабочего, но и тенденция развития соотношения между его зарплатой и национальным продуктом промышленности для установления того, что авторы труда справедливо называют социально-экономическим положением рабочего класса. Для этой цели индекс физического объема производства промышленности (1899 г.—100; 1914 г.—169,0; 1924 г.—241,8; 1928 г.—283,3) делится на индекс роста населения (1899 г.—100; 1914 г.—130,9; 1924 г.—152,0; 1928 г.—160,4).

Таким образом, получается индекс физического объема производства промышленности на душу населения (1899 г.—100; 1914 г.—129,1; 1924 г.—159,1; 1928 г.—176,6). Путем нового деления индекса реальной зарплаты на индекс физического объема производства промышленности на душу населения авторы выводят индекс покупательной способности рабочего класса в его взаимоотношениях к национальному продукту (в розничных ценах).

Последний индекс, справедливо называемый ими индексом социально-экономического положения рабочего класса, ярко иллюстрирует картину относительного материального регресса последнего.

Если рост продукции промышленности на душу населения в САСШ повысился за 30 лет на 76,6% и реальная зарплата возросла на 23,6%, то индекс социально-экономического положения за 30 лет падает на 30%: 1899 г.—100; 1904 г.—91; 1924 г.—76; 1928 г.—70. Иными словами, рост промышленного производства страны не сопровождается для рабочего класса увеличением его участия в успехах промышленной цивилизации, напротив, положение рабочего в отношении к национальному продукту производства и положению остальных классов населения за 30 лет ухудшилось на 30%.

Выводы авторов подтверждают приводимую ими формулу Карла Маркса об относительном обнищании рабочего класса даже в условиях капиталистического прогресса.

Придерживаясь вышеприведенной методологии, Ю. и М. Кучинские выводят далее индексы покупательной способности американского рабочего в отношении к объему производства промышленности в оптовых ценах. Последний индекс выше первого и выражается следующими величинами: 1899 г.—100; 1904 г.—95; 1909 г.—81; 1914 г.—84; 1927 г.—95; 1928 г.—92.

Соотношение двух приведенных индексов—покупательной способности к объему промышленного производства в розничных и оптовых ценах—показывает на то, какая значительная часть национального дохода остается в руках торгового класса, который извлекает у рабочего часть тех возмож-

ностей, которые оставляет на его долю капиталист-производитель.

Участие посредника в национальном продукте или расхождение «спожниц» между оптовыми и розничными ценами имеет в последние годы тенденцию непрерывного роста.

Интересно еще отметить, что годы, отмеченные капиталистической «prosperity», характерны уменьшением доли участия рабочего класса в национальном продукте. Напротив, в тяжелые годы кризисов 1921 и 1924 г.г., доля участия рабочего класса в национальном продукте повышается как в отношении оптовых, так и розничных цен.

Таким образом, ясно видно, что рабочий класс может иметь сравнительно более высокую долю участия в относительно меньшем национальном продукте. Ослабление покупательной способности рабочего класса—основного потребителя страны—представляет собой серьезную угрозу для всего хозяйства САСШ и таит в себ угрозу кризисов перепроизводства.

Путем ряда сопоставлений авторы приходят к выводу, что отрасли промышленности непосредственно связанные с потребителем, реагируют на падение покупательной способности населения скорее, зато влияние падения покупательной способности населения на несвязанные непосредственно с потребителем отрасли промышленности глубже и значительнее.

К сожалению, авторы совершенно не касаются того, насколько ограничение емкости внутреннего рынка отражается на возрастающем стремлении САСШ к завоеванию внешних рынков и росту протекционизма.

Остановившись на вопросах производительности труда американского рабочего и приняв за показатель таковой для 1899 г. за 100, авторы выводят увеличение производительности труда для 1920 г. только на 13%. Настоящий рост производительности труда начинается только в послевоенные годы, как результат капиталистической рационализации, и обгоняет в своем темпе как рост физического объема промышленного производства, так и рост покупательной способности населения. Соответствующие показатели для 1923 г. выражаются—139, 1925 г.—151, 1926 г.—156, 1927 г.—158, и 1928 г.—169. В результате на лицо перепроизводство и структурная безработица.

Установивши средние-взвешенные показатели положения всего рабочего класса, авторы переходят к рассмотрению отдельных групп его.

Сопоставляя высоту зарплат на севере и юге САСШ, мы видим, что в то время, как на севере рабочий мог тратить в год 1418 дол., на юге же только—916 дол.

Еще резче сопоставление реальной зарплаты в различных отраслях промышленности. При росте ее для всей промышлен-

ности за 30 лет на 23,6% по отдельным отраслям промышленности мы наблюдаем очень пеструю картину. В то время как в автомобильной промышленности реальная зарплата возросла на 13,6%, в химической и пищевой—на 18,1%, в металлической—на 25,5% и в полиграфической и бумажной—на 36,1%, в табачной промышленности за то же время она падает на 6,5%.

Не менее извилиста для отдельных отраслей промышленности кривая социально-экономического положения рабочего класса. При среднем падении ее для 1928 г. по сравнению с 1899 г. на 30%, по отдельным отраслям это падение выражается: для автомобильной промышленности—36%, химической и пище-вкусовой—33%, металлической—29%, кожаной—39%, деревообделочной—31%, полиграфической и бумажной—23%, текстильной—32% и табачной—47%.

По мере сопоставления зарплаты сравнительно небольших групп рабочих еще резче выступает вышеуказанная разница. Достаточно сравнить зарплату рабочего хлопчатобумажной промышленности и газетного наборщика. Первый получал в 1927 г. в неделю—19,14 дол., второй—41,57 дол. В 1925—26 г.г. рабочий в консервном производстве в год зарабатывал 774 дол., в то время, как годовая зарплата квалифицированного рабочего полиграфической промышленности достигла 2.464 дол.

Таким образом, создается аристократическая прослойка внутри рабочего класса, уровень зарплаты которой позволяет этой группе вести жизнь среднего интеллигента в САСШ. Эта прослойка в рабочем классе САСШ хотя и больше, чем в любой из капиталистических стран Европы, но все же бесконечно мала по сравнению со всем рабочим классом страны.

Описывая положение этой группы рабочих—владельцев собственных коттеджей и фордов, буржуазные экономисты забывают об удельном весе этой группы в рабочем классе САСШ. Несравненно большая часть его, вследствие относительного и абсолютного ухудшения своего положения, показатели которого были приведены выше, обречена на полную деградацию. Около 700 тыс. рабочих или 9% всего пролетариата САСШ получает в 1928 г. более низкую реальную зарплату, чем в начале столетия. Их положение ухудшилось не только относительно, но и абсолютно (стеклянная, табачная и деревообделочная промышленность).

Размеры настоящей рецензии не позволяют коснуться подробно данных о положении рабочих в отдельных отраслях промышленности, равно и сопоставить положение организованных и неорганизованных рабочих.

Интересны приведенные авторами данные о социальном законодательстве САСШ, которое далеко отстает от большинства ка-

питалистических государств Европы. Причину отсталости американского социального законодательства авторы основательно видят в том, что только 12% американских рабочих профессионально организованы

В общем рассматриваемая нами работа при сравнительно небольшом объеме ее,

может явиться источником всестороннего изучения проблемы труда в САСШ. Следует пожелать ей широкого распространения в СССР, для чего было бы весьма целесообразен перевод этого интересного труда на русский язык.

Б. Г. Быховский.